

«ДУША ЕГО ВОЗВЫСИЛАСЬ ДО СТРОЮ...»: О ПРОЗЕ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Игнатий Брянчанинов (1807–1867) — в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов — известный православный деятель XIX в., епископ Кавказский и Черноморский, автор нескольких томов богословских и духовных сочинений. При этом он с самого детства обнаружил блестящие способности в самых разных сферах, включая гуманитарную, был музыкально и литературно одарен, прекрасно образован. Литературный талант проявился у Брянчанинова еще в молодости, до его пострига. Он имел знакомства среди петербургских литераторов и пользовался особым расположением Гнедича, хорошо усвоил некоторые его уроки, в частности, о том, что свои сочинения до 40 лет уважающий себя автор должен считать как бы несуществующими, так как они не могут быть отмечены еще зрелостью ума, опыта и вкуса. Может быть, поэтому серьезно работать над изданием своих сочинений, над тщательной их переработкой Брянчанинов начинает только за несколько лет до кончины. В 1864 г. выходят 2 тома его «Аскетических опытов», затем в 1867 — знаменитое «Слово о смерти» и другие сочинения, а «Отчник» (повести и изречения из жизни святых отцов) и «Письма» — печатаются уже после смерти их автора.

В предисловии к первому тому «Аскетических опытов» он признавался, что «ни о каком духовном делании не говорил, а тем более не писал, не проверив своим собственным опытом того учения или делания и его последствий, которые он передавал слушателю или читателю...» [1]. Между тем многие фрагменты из его сочинений — «статьи», как он сам называл их, — являются не только духовным, но еще и своеобразным, ярким литературным опытом, свидетельствуют о его художественном вкусе и чувстве стиля и потому должны быть осмыслены как литературное явление. Это прежде всего лирико-философские миниатюры автобиографического характера — «Сад во время зимы», «Кладбище», «Древо зимою под окнами кельи», «Дума (на берегу моря)» и др., а также его библейская повесть «Иосиф» — своеобразный ответ на лермонтовского «Героя нашего времени».

Миниатюры организованы переживанием-размышлением героя-повествователя, напоминающего лирического героя, сюжетно и композиционно выстроены. По своей жанровой природе, по способу построения сюжета, по структуре в целом они сходны с тургеневскими «Стихотворениями в прозе», они поэтичны и образны. Созерцание картинки из окружающего мира — чаще всего это пейзаж — «запускает» внутренний сюжет — размышления о человеческой жизни, о простых и вечных ее истинах. Ясная, спокойная религиозность дает возможность герою через внешнюю жизнь природы прозревать духовные сущности, тайны мира, выходить на уровень религиозно-философских обобщений. Его сознание открыто этим тайнам, так как он

смиренно и кротко принимает весь Божий замысел о мире и человеке, восхищается совершенством и гармонией сотворенного Богом мира. В миниатюре «Сад во время зимы» герой созерцает зимний сад «в тихую погоду, в солнечные ясные дни», душа его исполнена тишины и кротости. В зимнем «покойном» пейзаже он прозревает грядущее весеннее пробуждение природы и трактует его как прообраз будущего Воскресения. Его размышления-переживания организируются системой сквозных, ассоциативно связанных между собой мотивов — тишины, покоя, тайны, смерти, воскресения и чуда. Метафоричность языка, прозрачность и чистота стиля позволяют автору избежать дидактизма и воздействовать на читателя силой и поэтичностью созданных им образов. Так, с точки зрения повествователя, человек, не верящий в Воскресение, подобен страннику, который никогда не видел весеннего пробуждения природы и которого привели «в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным». Привели, чтобы «показать ему обнаженные деревья и поведать о той роскоши, в которую они облечутся весной... он вместо ответа, посмотрел бы на вас и улыбнулся — такую несбыточную басню показали бы ему слова ваши» (1, 178). В миниатюре «Кладбище» речь идет о краткости и бренности земной человеческой жизни. Герой посещает могилы родных, скорбит об умерших, но во время панихиды чувство печали постепенно сменяется «тихим утешением» и «духовным услаждением»: «Церковные молитвы растворили живое воспоминание о умерших духовным услаждением» (1, 184). И от погруженности в собственное состояние герой вновь возвращается к внешнему миру — «могилы... ограждены кругом вековых деревьев»: «Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют... При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях... Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!» (1, 184). В этих и других миниатюрах, опредмечивающих переживания самого автора, важны прежде всего запечатленные состояния душевного равновесия и согласия человека с самим собой, состояния обретенной истины и полноты бытия, столь редкие в светской литературе. И эта драгоценная особенность таких сочинений Брянчанинова еще отчетливее понимается при сопоставлении с тургеневскими «Стихотворениями в прозе», выражающими тоску, обреченность, страх смерти.

В ином ключе написана библейская повесть «Иосиф», последовательно воссоздающая историю известного ветхозаветного персонажа Иосифа Прекрасного, преданного своими братьями и простившего их. Рассказывая сдержанным, констатирующим тоном о перипетиях судьбы своего героя, автор будто снова и снова вглядывается в библейский текст, постоянно ссылаясь на него. Брянчанинов трактует Иосифа как христианский писатель. Он для него мученик, невинный страдалец, смирением своим, внутренней красотой заслуживший любовь и помощь Бога. Это ветхозаветный прообраз Христа. Безусловно, для автора была важна здесь концепция героя, отражающая христианский идеал личности. Но не менее важным и интересным оказалось то, что Брянчанинов стремился в этой повести самым ее стилем, харак-

тером образности воссоздать дух и обаяние не только библейского текста, но и той давней, библейской эпохи, когда мир стоял у истоков своего существования и от этого подлинные основания человеческого бытия были более зримы, более ощутимы, чем в современную культурную эпоху. Словно следуя Моисею, Брянчанинов создает особую атмосферу реальности, осязаемости происходящего, «переносит внимательного читателя в отдаленную, священную древность» (2, 40). Речь идет при этом не просто о знании библейской истории, а именно об ощущении ее, о прикосновении к ней — о проживании ее в собственном мире, в собственной душе. Отсюда высказывания, столь точно выражающие суть общения автора с библейским текстом: «Кто погружается часто в созерцание библейских сказаний, тот непременно ощутит в душе своей особенное, странное впечатление. Это впечатление состоит в обаянии какой-то свежести, молодости, как бы от дыхания воздухом прекрасного летнего утра. Душа юнеет от пристальных взоров на юность мира, от беседы с юным миром, ее силы бодреют, укрепляются, как дух старца оживает среди общества детей. Приятно насладиться свежестью юного мира, *отдохнуть в ней* (курсив мой. — Н. П.) от впечатлений современного, дряхлого, рассыпающегося» (2, 40). Подобный врачующий эффект испытывает сегодняшний читатель при общении с прозой самого Игнатия Брянчанинова. Думается, его наследие достойно представляет не только святоотеческую мысль, оно должно быть включено и в историю русской словесности.

Примечания

1. *Брянчанинов Игнатий*. Соч.: В 7 т. М., 1993. Т. 1. С. 71. В дальнейшем в тексте приводятся ссылки на это издание с указанием в круглых скобках тома и страницы.

© Разживин А. И.
г. Елабуга

СТИЛЕВОЙ ЭКЛЕКТИЗМ В РУССКОЙ ПРЕДРОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ

Литература XVIII в. отличалась жанровым мышлением. Формировавшиеся в лоне классицизма стили были безличными. Учение М. В. Ломоносова о трех стилях (высоком, среднем, низком) в их соотношении с определенными жанрами «работало» до конца века, решая проблемы литературного и языкового характера. Но, как очень точно подметила в своем фундаментальном труде «О лирике» Л. Я. Гинзбург, «с начала XIX в. поэтика жанров сменяется... поэтикой *устойчивых стилей*. При всей устойчивости стили становятся теперь гораздо более дробными, дифференцированными, гибкими, чем в XVIII веке» [1]. Исследователь называет такие новые стили, как элегический, романсный, национально-исторический, восточный, «библейский», «гомеровский». Заметим, что этот ряд можно продолжить: в русской предромантической литературе рубежа XVIII–XIX вв., в жанрах,